

Кира Измайлова
Отставной дракон

Драконьи истории

Кира Измайлова
Отставной дракон

«Кира Измайлова»

2015

Измайлова К. А.

Отставной дракон / К. А. Измайлова — «Кира Измайлова»,
2015 — (Драконьи истории)

«Отставной капитан Фальк ненавидел свою работу. Особенно же он ненавидел одну из подчиненных, пилотессу Литту. Придраться к ней не было возможности, разве что по части техники безопасности: вечно она нарушала все мыслимые и немыслимые нормы... Вот и сейчас – вернулась из отпуска и принялась крутить в небе такие фигуры, что сам он, много лет воевавший, диву давался! Спасибо, не с курсантами, видимо, аэроплан проверяла...»

© Измайлова К. А., 2015

© Кира Измайлова, 2015

Кира Измайлова Отставной дракон

Отставной капитан Фальк ненавидел свою работу. Особенно же он ненавидел одну из подчиненных, пилотессу Литту. Придаться к ней не было возможности, разве что по части техники безопасности: вечно она нарушала все мыслимые и немыслимые нормы... Вот и сейчас – вернулась из отпуска и принялась крутить в небе такие фигуры, что сам он, много лет воевавший, диву давался! Спасибо, не с курсантами, видимо, аэроплан проверяла.

Фальк тяжело вздохнул, и, прихрамывая, подошел к своей машине, спасибо, позволили оставить, кому нужна эта многожды чиненная рухлядь...

– Мы так не можем, – сказал он старику. – Не знаю, как она это делает, но у меня вряд ли получится. Прости, друг.

– Так полетели вместе! – весело произнесла незаметно подкрававшаяся Литта. Шлемофон мотался у нее за спиной, на лице – вечная веселая улыбка, аэроплан чухает двигателем. – Никого нету пока, а мы покувыркаемся!

– Ну... полетели, – сторожко ответил он, не без труда забираясь в кабину. Литта поддерживала его под руку, и он долго еще пытался проглотить ком в горле: вся база знала, что у него нет ноги. И Литта знала. И все равно норовила оказаться поближе к нему, а он старался уйти подальше, потому что она была красива, и одноногий калека, простой тренер на базе для начинающих пилотов, ей не пара...

– Первый, первый, я второй! – раздалось в наушниках. – Чего стоим, кого ждем?

– На взлет, – откликнулся он.

Взревел двигатель, Фальк прищурился, прикинул направление ветра и плавно, будто перышко, поднял свой аэроплан. Правда, чуть не рыскнул в сторону, когда снизу справа пронеслась Литта.

– Ты забыла, кто тут ведущий? – спросил он.

– Да ты телепаешься, как... даже не придумую! – засмеялась она. – Ладно, сейчас пересяду... Эх ты, герой войны, разогнаться толком не можешь! Я и то тебя обгоню!

Его ударило в самое сердце.

– Ах, не могу? – произнес он. – Ну что ж...

Штурвал на себя, и небо уже совсем близко, старенький аэроплан захлебывается, но еще тянет, еще немного, и он над облаками... Готово!

– И кто тут не может? – спросил он.

– Ха, – ответила Литта. – Вверх посмотри, чемодан летучий!

Она была над ним. Каким образом девушке удалось разогнать свой летучий... да не чемодан даже, а гроб – у нее был двухместный, довольно большой, но тоже далеко не новый, – Фальк понять на мог.

– Давай в пике! – сказала она, и ее аэроплан попросту упал вниз.

– Литта, не надо, ты не сумеешь!.. – он кинулся вслед.

– Чего это я не сумею? – спросила она, выровняв машину почти над самой землей. – Рожденный с крыльями всегда будет летать. А ты козла сделал, позорище, а еще инструктор! Дай-ка так попробую...

– Только не петлю! – взмолился он. – У тебя мотор не вытянет!

– Да конечно, – ответила Литта, уходя вверх, и тут ее мотор действительно закашлял, чихнул пару раз, и идущая вверх машина вдруг сорвалась в штопор.

– Литта!

– Ой, ну подумай, заглох, – раздался в наушниках абсолютно спокойный голос. – Сейчас прочихается, заведется... Давай, давай, мальчик! Во-от... Видишь, хороший же аэроплан!

– Я чуть не поседел сейчас, – честно сказал Фальк.

– Неужто? – фыркнула девушка.

Он выдохнул. Литта была странной, очень странной, но любой аэроплан покорялся ей моментально, будто она родилась в воздухе. И курсанты ее любили, она умела ободрить, и от ее слов даже самые пугливые переставали бояться высоты... И еще она была настолько хороша, что Фальк запрещал себе смотреть на нее иначе как на сослуживицу. Он видел, какие парни навешают ее по выходным, а сам даже намекнуть не осмеливался...

– Что? – переспросил он.

– Я говорю, давай полетим в горы? У тебя горючего хватит туда-обратно?

– По идее, хватит, а если что, вернемся. А зачем тебя туда вдруг понесло?

– Да просто так! Там все в цвету, вид сверху обалденный, ты не видел никогда, что ли?

– Нет.

– Так полетели!

Аэроплан Литты выполнил-таки мертвую петлю – в эфире раздался восторженный вопль, – и ринулся к горам. Фальк пристроился ведомым.

У Литты была черная коса, с которой она наотрез отказалась расстаться, и зеленые кошачьи глаза. И еще она всегда улыбалась, даже когда было трудно или больно, хотя и накричать могла ого-го как! Голос у нее был такой, что перекрывал шум моторов безо всяких наушников...

Когда Фалька прислали на базу тренировать курсантов, поскольку ни к чему другому он не был пригоден, первое время ему было очень плохо: все косились на его костыль, инструктор, называется... А потом явилась Литта. Встала в на входе в штаб: на плече – рюкзак, на лице – та самая улыбка.

– Я слышала, вам тут летуны нужны, – сказала она. – Ну так я умею. Возьмете?

Фальк тогда неуклюже поднялся из-за стола, проковылял к ней и посмотрел сверху вниз.

– Иди домой, девочка, – сказал он и чуть не упал, когда она выхватила его костыль, повернула и снова сунула ему под руку.

– Вот так держите, удобнее будет, – серьезно произнесла она. – Другой нужен, эту корягу будто в лесу подобрали... хотя и там получше можно найти. А домой я не пойду. Если думаете, что я не могу сесть за штурвал... ну так испытайте. Кто тут у вас самый лучший ученик?

– Мирю! – позвал Фальк, изрядно уязвленный, потому что свой костыль и правда подобрал в лесу. – Позови мне Сталя и вели заводить две машины.

– Которые?

– Любые, – улыбнулся Фальк. – Только не Сталя, случайные.

– Вот это дело, – весело сказала девушка и бросила рюкзак в угол. – Вот уж летаем!

– Это с ней, что ли? – ошалел Сталя, лучший курсант в училище, но Фальк дернул подбородком, и тот пошел к случайной машине. Все знали, что с этим типом лучше не шутить.

Фальк знал, что аэроплан Сталю выбрали наверняка лучше, чем для прищелицы, да и она это понимала, но все равно запрыгнула в кабину, покопалась там и звонко крикнула:

– От винта!

Потрепанный учебный аэроплан чуть ли не прыгнул в воздух. Сталя ринулся за девушкой, но догнать ее не мог, как ни пытался: она то проваливалась вниз, то оказывалась чуть выше, то заходила с хвоста, и был бы у нее пулемет, Сталя бы давно лежал на земле...

– Так возьмете? – требовательно спросила она, приземлившись и сняв шлем. Кажется, она ничуть не устала, а просто забавлялась.

– Да, – ответил Фальк. Пилотов катастрофически не хватало.

Правда, отправлять ее куда-то он отказался наотрез, упросил начальника, мол, не справляется один с такой оравой курсантов, тот подмазал кого надо, и пришел приказ оставить Литту младшим инструктором. Она и не возражала, гоняла молодежь в хвост и в гриву, а Фальк мед-

ленно сходил с ума, потому что понимал: жить без нее не может, а она не захочет с ним быть. Оставалось одно: подняться повыше, да и остановить двигатель...

– Фальк! – позвала Литта в эфире. – Ты там уснул?

– Нет, а что?

– Грозовой фронт перед нами. Прямо пойдем или поднимемся выше?

– Выше. Наши табуретки летучие, как ты говоришь, грозу могут и не пережить.

– Иду в набор...

Аэроплан Литты легко скользнул вверх, Фальк последовал за нею, удивляясь в который уже раз, как это девушка научилась летать. Сама она никогда не говорила, а они были не настолько близкими товарищами, чтобы спрашивать. «Родители выучили», – сказала она в ответ на вопрос, вот и все. Судя по всему, родители у нее были очень даже не бедными, и, думал Фальк, в училище она пошла в знак протеста. А потом услышал, как она говорит в трубку «Да вы что! Да тут обалдеть можно, как здорово, хоть машины старенькие! Отстань, папа, я не хочу замуж, я хочу летать и буду летать! Вот мама меня понимает, да? И люди отличные! Ну за задницу хватают, не без того, но я и сдачи могу дать... Ага, мам, я осторожно, не переживай! Всем передавай привет!»

Видел он это ее «осторожно», наверняка седых волос прибавилось, это уж точно... Когда она закрутила спираль по горизонтали, чуть не сшибая крыльями макушки деревьев, так он едва в водонапорную вышку не врезался, до того испугался. За нее конечно, ему-то все равно... И как старый аэроплан переживал трюки Литты, было совершенно непонятно, но ведь переживал же! Механики даже не особенно ругались, проверяя его после полета.

Хуже было то, что этим фокусам она учила курсантов, а тем только дай поразвлечься...

– Фальк, а мы с равнины сможем взлететь? – услышал он.

– По идее, сможем. Горючего тоже пока хватает.

– Тогда садимся. Видишь во-он тот бережок? Правь туда.

– А зачем?

– А просто так, искупаемся. И не говори, что ты плавки забыл. Будто я голых мужиков не видела.

– Не засоряй эфир, – сердито сказал он, и Литта зафыркала.

Она приземлилась ювелирно, Фальк всегда любовался тем, как она это делает, сам-то прокатился лишних полметра по незнакомой полосе.

Здесь пахло травами и разогретой землей, и озерной водой, а вовсе не пороховой гарью...

Он не без труда выбрался из кабины и был благодарен Литте за то, что она стоит спиной, проверяя что-то в моторе своего «мальчика».

– Здесь же нельзя летать, – негромко сказал он, сообразив, что это за долина.

– Мне можно. Считай, что у тебя временное разрешение.

– Так ты...

– Да, я правнучка одного из хозяев. Но это не имеет никакого значения, – Литта обернулась и улыбнулась. – Пойдем купаться? Я в масле вся!

Он молча качнул головой.

– Ты иди. Я тут подожду.

Литта подошла ближе.

– Как это вышло? – тихо спросила она.

– Разбился, – ответил он, глядя в сторону гор. – Перелом, госпиталь... Гипс как-то криво наложили, началась гангрена, ну и... Ногу целиком хотели отнять, но тогда бы мне точно неба не видать... Я так сопротивлялся, что на меня махнули рукой. Спасибо, выжил. А может, лучше бы умер...

– Не носи чепухи, – зло сказала Литта. – Ты можешь летать! Пускай с протезом, но можешь! А прадеда моего парализовало ниже пояса, и то он не сдался, выжил и поправился!

– В это я верю, да только ноги не отрастают, – тихо ответил Фальк. – Не надо об этом, прошу. Дай посмотреть на эту красоту, когда еще соберусь...

«Уже никогда, – сказал он сам себе. – Хватит обманывать себя. Ты уже накопил достаточно пилюль. Скоро ты уйдешь в последний полет...»

– Ну как хочешь, – сказала она и начала раздеваться. Полетел наземь шлем, потом ботинки, комбинезон и нательное белье. Литта осталась в чем мать родила и преспокойно пошла к озеру, будто нагота вовсе ее не смущала.

Фальк смотрел вслед, приоткрыв рот, до того Литта была хороша на этом жарком солнце: тонкая, гибкая, по смуглой спине струится черная коса...

Он сел наземь в тени крыла своего аэроплана, прислонился к колесу, посидел немного молча, прикрыв глаза и запретив себе смотреть в сторону озера.

– А мы отлетались, – сказал Фальк наконец. Он всегда разговаривал со старым другом. – Не могу больше. Тянет в небо, а сил не осталось ни у меня, ни у тебя, который ведь раз чиним. Может, так и лучше? Полетим с тобою вместе, заглохнет мотор, вот мы и... А она выберет себе красивого парня из тех, что к ней приезжают, бросит авиацию, детей нарожает, будет жить счастливо... Ты сдурела?!

Он схватился за щеку.

– Это мои братья и дядья, кретин! – прошипела Литта, застегивая комбинезон. – Правильно говорит бабушка, мужики могут думать только об одном! А я думала, ты другой, раз любишь летать... Вижу, ошиблась. Все. Пора возвращаться на базу.

Она отошла к своему аэроплану, погладила его по борту, снова полезла в двигатель. С длинной косы капало.

«Братья и дядья? Такие разные? – подумал Фальк, неуклюже поднимаясь. – Там и рыжие, и светлые, и черноволосые, как она сама, и темнокожие были даже, я ведь видел...»

– Прими рапорт об отставке, – сказала Литта, не поворачиваясь. – Я возвращаюсь домой, как ты мне велел еще при первой встрече.

Фальк открыл было рот, чтобы сказать, мол, не глупи, и вдруг понял, что она плачет, прижавшись к нагретой солнцем обшивке своего «мальчика».

– Извини меня, – сказал он, дотронувшись до ее плеча. – Я не хотел тебя обидеть. Я же не знал, кто все эти люди... А ты красивая, я и подумал, что это твои кавалеры.

– Ты хоть понял, что назвал меня шлюхой? – серьезно спросила Литта, по-прежнему не оборачиваясь. – Кто еще каждую неделю будет менять парней?

Фальк похолодел. Стало быть, он вот так походя оскорбил свою несбыточную мечту? И он думал, что хуже ему быть уже не может?..

– Я... Литта, я глупость сморозил, клянусь! – выговорил он. – Прости, я могу встать только на одно колено...

– Прекрати, идиот! – Литта кинулась поднимать его. – Прощу тебя, так и быть, мужчины все дураки, как бабушки говорят... Только ты впредь думай, прежде чем ляпать чего-ничего, хорошо?

Он кивнул.

– А что ты так дрожишь? Перегрелся, что ли? – слезы у девушки уже высохли, и она явно перестала злиться. – Давай я тебя в озеро макну, оно холоднее! Фальк? Ты что?

Он стоял молча, опустив руки и не зная, что сказать. И стоит ли вообще говорить. Потом сунул руку во внутренний карман и достал пузырек от какого-то лекарства, он даже не знал, от какого, подобрал где-то. Пузырек был под завязку набит пилюлями, которыми пичкали его в госпитале, а потом в больнице. Фальк выяснил, как они действуют и сколько их нужно выпить, чтобы расстаться наконец с землей насовсем.

– Я отлетался, – просто сказал он.

Зеленые глаза Литты сперва сделались круглыми, потом опасно сузились.

– Ты сдурел? – спросила она сквозь зубы.

Фальк молча покачал головой. Он не хотел ничего объяснять. Боль – ерунда, можно и потерпеть, но то физическая боль, а внутри болит иначе, и лекарствами этого не заглушить. «Лучше бы я и впрямь умер тогда», – подумал он, и в этот момент Литта вышибла у него из руки пузырек и принялась яростно топтать каблуком, растирая таблетки в мелкую пыль.

– Что ты делаешь?.. – выдавил он. Теперь ему еще полгода придется...

– И не думай! – выдохнула она. Сейчас Литта не улыбалась, а выражение ее лица пугало. – Не смей даже думать об этом!

– Ты что, верующая? – спросил Фальк спокойно. – Я – нет. Мне наплевать на высшие силы и посмертие, мне будет уже все равно.

– Фальк, но зачем? – выговорила она, и он снова увидел слезы у нее на глазах. – Я не понимаю, зачем?! Или почему?

– Я же сказал. Отлетался. Не могу больше. И не хочу. Меня тут ничто не держит, вот я и решил уйти.

– Как это – не держит? – нахмурилась Литта. – А работа твоя, ребята-курсанты, они же тебя любят, ты не замечаешь, что ли? Вокруг столько всего интересного, мир такой огромный и красивый! Не понимаю!

– Ребята хихикают у меня за спиной, мол, колченогий инструктор, вояка нашелся... А вокруг... – он отвернулся. – Какая разница, что там в мире, мне туда все равно не попасть. Долину вот увидел, спасибо тебе, я и не знал, что бывает на свете такая красота... Да что ж ты делаешь!

– Ума тебе вкладываю, – зло ответила девушка, глядя, как он потирает горящую щеку. – Совсем рехнулся! Правильно прабабушка говорит, что мужикам надо ума подбавлять, можно и сквородкой! Прадед-то, я говорила, тоже хотел убиться, когда обезножел, а она не позволила. И живы-здоровы оба, слава всему существу, и летают вместе...

– А? – опомнился Фальк. Рука у нее была очень тяжелой.

– Это у нас семейное, – фыркнула Литта. – Любим летать. А они хоть и немолодые, но иным молодым фору дадут. И прекрати это! Ребята хихикают... Мало ли, над чем они хихикают, может, анекдот похабный рассказывают! А я тебе скажу, что они тебя уважают и вправду любят, я-то знаю. Вот меня подкалывают, я же девушка, ну так я привыкла, да и ответить могу. А ты герой войны, тебя только шепотом поминают, глупый ты человек!

Он молчал.

– Ты что? Ну-ка, сядь, я воды принесу... – встревожилась девушка. – Да мать вашу, куда вы мою фляжку задевали?! Убью олухов! На-ка, попей...

Под крылом самолета было прохладно, и стало еще лучше, когда Литта вылила Фальку на голову остатки воды из фляжки, потом сходила к озеру и повторила душ. И села рядом.

– Почему ты так этого стыдишься? – спросила она негромко.

– Потому что я неполноценный, – ответил он, привалившись к стойке шасси и закрыв глаза.

– Кто тебе это ляпнул? – поразилась Литта.

Фальк помолчал, а потом решил, что лучше сказать все и сразу, не то потом будет хуже.

– Моя невеста.

– Вот дура-то! – выпалила девушка. – Ну... извини...

– Ничего, – ровным тоном ответил он. – Она больше не невеста мне. Разорвала помолвку, когда узнала, что со мной случилось.

– Ты ее любил? – тихо спросила Литта.

– Не знаю, – равнодушно ответил Фальк, глядя в небо. – Думал, что люблю. Но все равно было очень больно. Тогда. Я надеялся, что она...

Он замолчал.

Девушка погладила его по плечу.

– А потом я узнал, как это – любить по-настоящему, – добавил он. – Но уже слишком поздно...

– Вот дурак-человек! Чего тебе поздно-то? – подскочила Литта. – Тебе тридцать едва сравнялось, еще успеешь налетаться! Пойдем! Давай, вставай, а то силой потащу! Голова не болит, не кружится? А то тут солнышко такое...

– Да не болит у меня ничего! – Фальк встал. – Нечему уже.

Он лгал: у него нестерпимо болело сердце, потому что Литта была невероятно хороша на этом самом солнце.

– Прадеду было хуже, – серьезно сказала она. – Он не мог летать, и то выдюжил! А ты можешь! Распустил сопли, инструктор, называется... А ну встряхнись и полетим дальше!

– Горючего не хватит, – мрачно сказал Фальк.

– Дозаправимся, – фыркнула Литта.

– Где? В горах?

– Узнаешь, – сказала она загадочно. – Хотя нет. Пока рано. Ты совсем никакой, так что давай-ка на базу...

– Ну так заводи, – спокойно сказал он. – Что тянешь?

– Резину, – хмыкнула Литта. – Ну-ка, от винта!

* * *

Они не разговаривали почти две недели. Не о чем было, разве что по службе. «Привет, пришли механика, пятый номер проверить надо, мотор барахлит. Сегодня моя смена... Скажи в столовой, еще раз тухлятину приготовят, сами все сожрут, я прослежу! Курсант такой-то совсем негоден, надо отчислять или переводить во вспомогательные службы...»

Фальк не знал, что ему делать. Разговаривать с женщинами он не умел, только как с сослуживицами, вот и с невестой тогда... Он всякий раз хотел выпить, как вспоминал ту беседу. Слава Создателю, не лицом к лицу, по телефону, он еще был в госпитале, решил позвонить и сказать, что жив и относительно здоров...

Выяснилось, что она уже в курсе, видимо, его родственники сообщили, ему-то было не до писем. Только он еще об этом не знал.

– Дина, слышишь меня? – спросил он в трубку, тяжело опираясь на костыли, стоять ему еще было трудно. – Как ты там?

– Как обычно, – отозвалась она и вдруг спохватилась: – Фальк, это ты? Где ты?

– В госпитале, – усмехнулся он. – Но раз звоню, значит, жив и могу передвигаться, верно?

– В инвалидной коляске? – спросила Дина, и Фальк чуть не выронил трубку.

– Пока на костылях, – сказал он. – Там видно будет. А кто тебе сказал, что я покалечился?

– Твоя мать, – ответила она. – Ты перестал писать, и я к ней зашла, спросила, в чем дело.

Она сказала, что ты разбился... Правда, не насмерть.

«Лучше бы насмерть», – подумал тогда Фальк.

– Извини, я не мог написать, лежал без сознания, – сказал он через силу.

– Я понимаю.

– Дина, меня не изуродовало, – сказал Фальк зачем-то, хотя уже понимал, к чему идет дело. – Я все такой же...

– Только безногий, да? – произнесла она, и он молча повесил трубку.

С тех пор он с ней не разговаривал. Пилюли, правда, начал копить попозже, пока он без них обойтись не мог, боли случались невыносимые. Потом это сошло на нет, но Фальк продолжал симулировать: он знал, что жить ему незачем, и мечтал только о покое. А Литта взяла и раздавила его мечту...

– Слушаю, – ответил он на вызов. – Инспекция? Разумеется, мы готовы принять проверку в любой момент. Да, я сообщу начальнику. Всего доброго.

Проверок еще только не хватало, подумал он и связался с начальником училища. Тот новостям тоже не обрадовался, от таких визитов хорошего не жди...

– Фальк, ты бы убрал свой фанероплан подальше, – попросил он. – А то ведь начнется: средства разбазарили, на этажерках летаешь, сам знаешь.

– А я на чем полечу, если потребуют продемонстрировать класс? – нахмурился тот.

– У Литты возьмешь. Ее саму, кстати, тоже лучше убрать куда-нибудь. Вот, кстати! – оживился начальник. – Поменяйтесь, пусть она на твоём старике полетает по округе, проветрится. Вряд ли эти типы тут надолго задержатся!

– Она своего мальчика не отдаст, – мрачно сказал Фальк. – И я на нем ни разу не летал, если попросят что-то показать, как вы говорите, могу и опозориться. Сами понимаете...

– Да что ж вы за наказание такое? – вздохнул тот. – Вечно препираетесь с начальством, хамите, на курсантов орете...

– Я никогда не позволяю себе кричать на курсантов, – сдержанно заметил Фальк.

– Я обобщил, Литта вон как раз не стесняется. Сегодня с утра механиков распекала, я думал, штаб обрушится, – хмыкнул начальник. – Ладно, что с вами поделаешь... Иди. Предупреди ребят, чтобы все было начищено, надраено и подметено. Хотя лучше самолёты сам проверь, а на воспитательную работу я Литту направлю, она убедительнее. Кстати, что у вас с ней?

– А что у нас с ней? – не понял тот.

– Да смотрю, вы не разговариваете даже.

– О чем нам разговаривать, кроме как по делу? – упорно прикидывался непонимающим Фальк.

– Дурдом, а я в нем главный, – сказал начальник в потолок. – Иди, не тяни время. И Литту ко мне пришли, я ее тоже... проинструктирую.

– Так точно, – кивнул Фальк и вышел.

Неужто со стороны так заметно, что они с Литтой и впрямь перестали общаться больше необходимого? Еще не хватало...

Он поймал первого попавшегося курсанта и велел:

– Найди Литту и скажи, чтобы срочно явилась к начальнику. И пусть не отмазывается, к нам инспекция едет.

– Бегу! – отозвался мальчишка и унесся со всех ног.

Фальк же пошел к самолётам: нужно было проверить все от и до, чтобы не опозориться. А машины-то сплошь потрепанные, заслуженные, многие – списанные из армии после повреждений, восстановленные, с неродными запчастями, словом, катастрофа...

– Ты что такой нерадостный? – спросила Литта, по обыкновению неслышно подкравшись сзади, когда он ковырялся в моторе.

– Догадайся.

– Боишься, что тебя совсем спишут?

– И меня, и мой летучий чемодан, по твоему меткому определению.

– Вряд ли, – Литта заглянула ему через плечо. – Дай поддержку, тебе ж неудобно... Вот тут еще подтяни, ага! Да отодвинься ты! Куда лезешь, у тебя туда рука не пройдет, а пройдет, так застрянет, как мы тебя выпиливать будем?

– Руку отрежем, – мрачно ответил он. – Одной больше, одной меньше, я уже привык...

– Фальк, я тебе сейчас врежу монтировкой, – совершенно серьезно сказала девушка, поигрывая инструментом. – Вразумления ради. Если ты с таким настроением появишься перед инспекцией, ничего хорошего точно не жди! Ты ж не взлетишь, а взлетишь, так будешь ковыряться, как салага последний! Что ты переживаешь раньше времени? Как говорит моя праба-

бушка, – добавила она, от души долбанув помянутой монтировкой по неподатливой детали, – проблемы надо решать по мере их поступления. Ну-ка, глянь...

– Порядок, – оценил он.

– Тогда пошли мыться и обедать. И хватит от меня шарахаться, не буду я к тебе приставать, раз ты такой... – Литта не стала уточнять, какой именно, но Фальк понял. – Уже вон начальник спрашивает, что за кошка между нами пробежала!

– Тебя тоже спросил? – спросил он, оттирая руки ветошью.

– Ну так... А потом еще велел не хулиганить перед инспекцией. Когда это я хулиганила? – с искренним удивлением поинтересовалась она.

– Всегда, – честно ответил он. – Пойдем.

– Мир? – серьезно спросила Литта. – Я не шучу, Фальк. Мне без тебя скучно. Если ты ни о чем этаким и думать не желаешь, пусть его, дело твое, но такого друга и такого ведущего я терять не хочу.

Фальк не нашелся с ответом, никогда не был силен в суесловии.

– Мир, – сказал он наконец. – Мне тоже без тебя скучно. Хотя ведомая ты отвратительная.

– Тогда пошли жрать, – весело ответила она и хлопнула его по спине, наверняка оставив масляное пятно на комбинезоне. Спасибо, не монтировкой огрела, с нее бы случилось... – Я голодная!

– Ты всегда голодная. Не понимаю, как в тебя столько влезает и куда девается, – буркнул он.

– Обмен веществ ускоренный. Знаешь такие умные слова?

– Литта, я тебя все-таки когда-нибудь убью, – искренне сказал Фальк.

– Ты сперва меня догони на своем чемодане, а там еще посмотрим, кто кого! – фыркнула она. Они как раз подошли к полевой кухне. – Привет, Джен! Мне как обычно!

– Ага, тройную порцию, – буркнула повариха. – Ешь, прорва ненасытная, все равно не в коня корм!

Фальк не выдержал и засмеялся.

– Ну вот, полегчало, – проговорила Литта с набитым ртом. – И слава всему существу... А то когда на сердце тяжело, не взлетишь, так бабушка говорит.

– Твои родственники – просто кладезь афоризмов, – сказал он.

– А то! – она вдруг прислушалась и начала запихивать в себя еду вдвое быстрее. – Фальк, давай поскорее, не копайся! Летят уже.

– Ты откуда знаешь?

– Слышу. Здоровый аэроплан, новый, наверно.

Инспекция появилась через полчаса, и Фальк только диву дался, как это Литта ухитрилась расслышать гул моторов с такого расстояния. Хорошо, они уже успели закончить с проверкой аэропланов, пропесочить курсантов и проверить, чтобы везде было прибрано. Ну и обед переварить, ясное дело.

– Ну и полоса у вас, – брезгливо произнес глава инспекции в полковничьем чине, едва ступив наземь с борта новехонького пассажирского аэроплана. На его фоне учебные машины выглядели жалко, и Фалька снова кольнуло неприятное предчувствие. – Сплошные кочки и ухабы!

– Так ведь степь, одних сурчиных нор тут сколько, – развел руками начальник. – А техники, чтоб забетонировать полосу, нам не дают, мол, так обойдетесь... Может, поспособствуете?

Он косился на Фалька с Литтой: те стояли рядом и, похоже, помирились, потому что не смотрели демонстративно в разные стороны, а о чем-то тихо переговаривались. Ну и славно, а то хуже нет разлада в команде...

– Посмотрим, посмотрим, – произнес полковник, оглядываясь. – Н-да, машины заслуженные, особенно вон та. Это откуда ж у вас такой антиквариат?

Литта поймала Фалька за руку и больно дернула, мол, помолчи.

– А это аэроплан нашего старшего инструктора, – сказал начальник. – Он заслуженный летчик, герой войны, начинал воевать на нем, не хочет расставаться.

– Хм... И где он сам?

– Да вот он, – тот жестом подозвал Фалька к себе.

– Отставной капитан Фальк, – отрекомендовался тот. Как нарочно, споткнулся, и полковник внимательно уставился на его злосчастный костыль.

– Были ранены? – осведомился он.

– Так точно, – ответил Фальк, не вдаваясь в подробности. Может, просто перелом или осколок, с кем не бывает...

Только вот адъютант подскочил и что-то прошептал на ухо полковнику.

– Однако инструкторы у вас, – покачал тот головой. – Мало того, что на такой дрянной машине, так еще и инвалид... Могу представить, как он летает!

Фальк скрипнул зубами и заставил себя промолчать.

– Прекрасно он летает, – сказала Литта негромко, но отчетливо, и начальник исподтишка показал ей кулак. Велел ведь держать язык за зубами, но нет, влезла все-таки!

– А это что за... девушка? – вовремя поправился полковник. – Неужели курсант? Или повариха?

Он явно подразумевал кое-что еще, но благоразумно промолчал, увидев опасно сузившиеся глаза Фалька.

– Это наш младший инструктор, – мрачно произнес начальник. – Литта.

– Дожили! Теперь еще девицы будут тренировать пополнение... Чему она может их научить?!

– Всему! – выкрикнул кто-то из строя. Фальк пообещал себе найти засранца и надрать ему задницу: прозвучало это крайне двусмысленно. Он и так уже начал закипать, а тут еще этот идиот вылез...

– Да-да, я так и подумал, – снисходительно усмехнулся полковник. – Деточка, и где же ваш аппарат?

– А у вас за спиной, господин полковник, – беспечно ответила она. – Вот тот, да-да, серозеленый.

– А почему у вас младший инструктор летает на лучшей машине, чем старший? – осведомился тот у начальника.

– Потому что это ее собственная машина, – буркнул тот. – Как и у Фалька.

– Странные у вас тут порядки, – покачал головой полковник и заложил руки за спину. – Ну так, быть может, ваши инструкторы покажут, на что способны?

– А не желаете сперва передохнуть с дороги? Я прикажу подать чаю...

– Нет-нет, времени мало. Ну, прошу, – улыбнулся тот Фальку.

Тот представил, как будет карабкаться в кабину на глазах у этого штабного хлыща, и чуть не умер на месте от стыда. Курсанты-то уже привыкли и, как Литта говорила, старались не смотреть лишний раз, чтобы не смущать, а полковник...

– Мы вдвоем! – весело сказала Литта. – Покажем класс, чего уж там! Фальк, я у тебя там очки забыла, когда мотор проверяли, пойдем, заберу.

– А что вы намерены делать вдвоем? – опомнился начальник.

– Имитировать воздушный бой, конечно, – ответила она. – Что еще могут делать в небе два истребителя?

– Н-ну хорошо, – кивнул он. – Пр продемонстрируйте, на что способны.

Судя по нехорошему прищурю Литты, зла она была невероятно, хотя и продолжала улыбаться.

– Идем, – она потащила Фалька за собой, а отойдя подальше от инспекции, прошептала: – Твоя машина слабее, по-честному ты у меня не выиграешь, поэтому я поддамся. Момент ты уловишь, я надеюсь.

– Как мерзко-то... – выговорил он.

– А вот это ты брось, – серьезно сказала она, оглянувшись и прошипела: – Лезь давай, пока они не смотрят!

Фальк сам не понял, как оказался в кабине. Ну не Литта же его туда забросила! Разве девушке по силам поднять мужчину на полголовы выше нее и куда крупнее? Впрочем, удивляться было некогда.

– Успокойся, – сказала она, стоя на крыле и делая вид, будто шарит в кабине. – И помни, что я тебе сказала: если на сердце тяжело, ты не взлетишь. А ты обязан взлететь, поэтому просто успокойся. Я бы тебя поцеловала для вдохновения, да ведь пообещала не приставать. Ну разве вот только так, это не считается...

Его щеки осторожно коснулись горячие губы, и Фальк понял, что сейчас взлетит безо всякого аэроплана.

– Ты это прекрати, – хрипло произнес он.

– Я больше не буду, – фыркнула Литта. – Мог бы и побриться, кстати, ты колешься. Ну все, на взлет, работаем, как обычно. Просто забудь про инспекцию и давай пошалим!

Она спрыгнула наземь, размахивая своими очками (которые, Фальк видел, были у нее в кармане), и побежала к своему аэроплану.

– От винта! – услышал он и повторил:

– От винта!

Они взлетели почти одновременно – он чуть медленнее, машина и впрямь была заслуженной, – разошлись в разные стороны, а потом начали игру в догонялки. Фальк видел, как Литта сбавляет тягу, чтобы он не отстал. Правда, от парочки любимых фокусов она не удержалась: пронеслась на бреющем над инспекторами, так что с тех сдуло фуражки, а полковник присел, потом ушла в набор и рухнула из-под облаков в такое пике, что Фальк снова чуть было не поседел.

Литта не воевала, поэтому атаковать предстояло ему, и он вспомнил все, что только умел. Правда, изловить ее ему никак не удавалось: пусть ее аэроплан был больше, но увораживалась она виртуозно. Наконец она качнула лопастями, мол, пора завязывать, и он поймал момент, зашел на цель, спикировал... И якобы подбитая Литта ушла в штопор. Кажется, полковник присел вторично, но девушка лихо выровняла аэроплан и приземлилась. Фальк сел чуть погодя, когда увидел, что она уже выбралась из кабины, стащила шлемофон и похлопала своего мальчика по борту.

Курсанты, привыкшие к ее выходкам, явно хотели посвистеть и поулюлюкать, но под яростным взглядом начальника сдержались, хотя кто-то все же свистнул.

– Здорово было! – преувеличенно весело сказала она, подходя к его аэроплану. – Только, Фальк, мы перепутали, это твои очки, давай меняться обратно!

– Погоди, вылезу...

Вот на этот раз он точно почувствовал, как она держит его едва ли не на весу, помогая спуститься. Откуда такая сила в хрупкой с виду девушке, Фальк не понимал.

– Ты как? – спросила она тихо.

– Хорошо полетали, – ответил он и добавил еще тише. – Спасибо.

Литта только улыбнулась и потерлась носом о его плечо.

– Чешется, а руки грязные, – пояснила она. – Пошли слушать разбор полетов!

– П-прекрасное представление, – чуть заикаясь, выговорил полковник. – И все же я считаю, что женщинам в авиации не место. Если уж так хочется, и если у нее имеется свой аэроплан, пускай летает в свое удовольствие, но как наставник...

– Как наставник, – сквозь зубы выговорил Фальк, – Литта намного лучше меня. У меня есть боевой опыт, это верно, но зато она прекрасно работает с личным составом, у нее к этому талант. Она людей чувствует... Да она даже улитку уговорит от земли оторваться!

– Я понимаю, конечно, что вы, герой войны, – тот выразительно покосился на его ногу и костыль, услужливо поданный механиком, – в восторге от такой прелестной наставницы, но здесь все же летная школа, а не... гм... заведение определенного пошиба!

– Странно, что девица всего одна, – поддакнул адъютант.

Фальк сперва онемел, а потом глаза заволокла красная пелена, и он чувствовал только, как начальник пытается поймать его за руку, а потом сделалось очень жарко, и он понял, что его перехватила Литта, держит обеими руками за пояс и упирается, не подпуская к полковнику. Сила у нее в самом деле была не девичья.

– Тихо, угомонись, – проговорила она ему в ухо, а назад крикнула: – Осторожнее, он же контуженный!

– Убью... убью гадину... – Фальк снова рванулся, но Литта держала его мертвой хваткой. – Да как он посмел такое о тебе!.. Гнида штабная!

– Я тебя сейчас вырублю, если не успокоишься, – сказала она совершенно серьезно. – Я умею. Прекрати немедленно истерику!

Фальк дышал, как запаленная лошадь, но бешенство понемногу отступало, оставалось только какое-то гадкое чувство: он был не в небе, он ничем не мог ответить на оскорбление, и ладно бы оскорбили его, но Литту!..

– Всё... ну всё, мой хороший, – она погладила его по затылку. – А с этой дрянью я сама разберусь. Я гражданская, это раз, а два – ты помнишь, кто мои родственники. Если что, ему мало не покажется. Ну-ка, присядь... Вик! Принеси воды, Фальку плохо!

– Бегу! – курсант сорвался с места. Фалька действительно любили, Литту тоже, и у многих чесались кулаки начистить физиономию если не полковнику, так хоть адъютанту. – Держите, госпожа...

– На голову ему лей. Да не так! – Литта отобрала у Вика ведро и выплеснула его на Фалька. Тот вздрогнул и окончательно очнулся. И понял, что сам себя погубил – после такого представления его просто вышибут отсюда коленом под зад, забыв о заслугах... – Остынь. А я сейчас вернусь.

Фальк потерянно смотрел ей вслед.

– Держите тут сумасшедших!.. – доносилось от начальственного аэроплана. – Инвалидов и каких-то шлюх! Я доложу!..

– Ах, значит, шлюх... – негромко, но очень отчетливо произнесла Литта, и Фальк невольно вздрогнул, вспомнив разговор на берегу озера. – Н-на!

От ее оплеухи полковник отлетел на несколько шагов назад и ударился затылком о стойку шасси, по которой и сполз наземь. На его упитанной щеке отпечаталась пятерня Литты. На этот раз курсанты не сдержались и разразились воплями и свистом.

– Пониже бы тебе врезать, чтоб поменьше о шлюхах думал, да ведь покалечу, – презрительно произнесла Литта. – Дрянь. Прав Фальк, гнида штабная, а туда же... Забери эту мерзость с нашего аэродрома, – велела она адъютанту, забившемуся под аэроплан. – И проваливайте отсюда поживее! А если надумаешь жаловаться... – тут девушка улыбнулась, и полковник постарался потерять сознание. – Узнай на досуге, чья я дочь. Передумаешь.

Она вернулась к Фальку, села рядом наземь и обняла его за плечи.

– Эх ты, чудак-человек, – сказала она, вытирая ему мокрый лоб. – Ну что тебя так разобрало? Ну сказал этот тип гадость, подумаешь... Ты же знаешь, что это неправда. Хотя, помнится, кое-кто недавно...

– Прекрати, – сдавленно попросил он. – Я только сейчас понял, что именно тогда сказал.

– Ты ведь уже извинился, – удивилась Литта.

– Да. Но до конца все равно не осознавал. Как поганно-то...

– От чего?

– От всего, – Фальк опустил голову ей на плечо. – Я... да что я, переживу. Я привык, что все пялятся и... неважно. Но ты...

– Так я тем более переживу, – фыркнула она. – У меня с чувством собственного достоинства проблем нет. И словом меня обидеть, конечно, можно, но я ведь отвечу. И не факт, что тоже словом.

– Да, я видел. Красиво вышло, – невольно усмехнулся он. – Ты очень сильная.

– В отца, наверно, пошла. Он здоровенный. Хочешь, познакомлю?

– Ты же обещала не приставать.

– А причем тут это? Он адвокат, кстати. Так что засудит эту полковничью рожу за оскорбление моей чести и достоинства, у нас свидетелей вон человек тридцать. А если за меня, так отец его посадит, как пить дать, неважно, какая это шишка... – Литта потерлась щекой о его макушку. – Ну ты как? Очухался?

– Вроде бы... Никогда со мной такого не приключалось. Разве что в бою, но чтоб вот так... – Фальк помолчал. – Меня, наверно, все же выставят. И неба мне тогда уже не видать...

– Пусть попробуют, – холодно ответила Литта. – Я же сказала, кто мой отец. Мы им еще оскорбление героя войны припомним, вот тогда попляшут!

– Одалживаться не хочу. А заплатить нечем.

– Нет, ты все-таки потрясающий идиот, – покачала она головой. – Сказал тоже... Тс-с-с, начальник идет!

Тот подошел и остановился в паре шагов.

– Вы что устроили, сволочи? – тихо спросил он. – Мало мне ваших выходов, ваших скандалов, вы еще и старшего по званию чуть не убили!

– Так за дело, – без тени раскаянья сказала Литта. – И мне без разницы, я же гражданская. А Фальк до него и не дотронулся, вон свидетелей сколько!

– Одного не пойму, как ты удержала этого психического, – начальник плюнул и сел рядом прямо наземь. – Я не смог.

– Уметь надо, – усмехнулась Литта и почему-то посмотрела в небо. – Прабабушка научила. Удерживать надо уметь... Пойдем, Фальк. Ты весь мокрый, аж капает.

– А кто меня облил?

– А кто чуть полковника не убил?

– А кто ему по морде врезал?

Начальник посмотрел им вслед, покачал головой и закурил. Хоть помирились, и на том спасибо. Конечно, нервы они ему еще помотают, но если он верно расслышал, папа у Литты непрост, так что, может, школу и не расформируют, а инструкторов не отдадут под суд...

Однако время шло, но ничего не происходило.

– Да ему стыдно просто было признаться, как его девушка вырубилась одним ударом, – высказал общее мнение один из курсантов. – Причем за дело. Нечего гадости говорить о госпоже Литте.

– Угу, – добавил второй и тяжело вздохнул. – Она только на одного смотрит. А он никак. Был бы я на его месте, так не тянул бы!

– Ты почему знаешь, что б ты делал? – мрачно ответил третий. – Но неважно. Главное, этот тип наверняка навел справки, чья она дочь, а похоже, папа там непростой, у госпожи Литты ведь и аэроплан свой, это ж недешево!..

– Так им всем и надо, – заключили они хором.

– А ну хватит сплетничать! – гаркнула на них повариха Джен и погрозила половником. – Хуже старых бабок... Марш за стол! Ужин стынет!

* * *

Однако, как выяснилось, они рано обрадовались. Начальник вызвал Фалька, и по его лицу тот сразу понял, что дело неладно.

– Что? – спросил он.

– Ты присядь, – кивнул тот на стул. Сегодня Фальк хромал сильнее обычного, это было заметно. – А то от таких новостей рухнешь.

– Все-таки приказано меня уволить? – усмехнулся тот, но сел с явным облегчением.

– Нет, – ответил начальник и прошелся, заложив руки за спину. – Напрямую они почему-то не могут, видимо, действительно навели справки о том, кто такой отец Литты, а она наверняка замолвила за тебя словечко, у нее не заржавеет. Кстати, кто он?

– Какой-то адвокат, – пожал плечами Фальк, хотя его покорило. – Наверно, известный, раз она о нем так говорила. Так что случилось?

– У нас будет повторная инспекция. С проверкой квалификации пилотов-инструкторов. На, ознакомься, чего они от нас хотят.

Фальк взял несколько листов бумаги, развернул и начал читать.

– Ну это – для первогодков, это тоже, тут чуть сложнее... – Он поднял глаза на начальника. – А на такое мой старик не способен. Мотор не вытянет.

– Именно, – мрачно ответил тот. – Попробуй на учебном, что ли?

Фальк покачал головой.

– На них такие трюки выполнять – верное самоубийство. Свой я хоть до последнего винтика знаю и могу сказать, на что он способен, а на что нет, а те у нас непредсказуемые. Так вот откажет что-нибудь – и все. Хотя, может, это и выход...

– Я тебе дам! – прикрикнул начальник. – Иди. У тебя еще три дня, чтобы этот самый выход придумать. Я б мог сказать, что ты заболел, но инспектор непременно хочет тебя видеть и не отстанет, чтоб ему запаршиветь! Иди, Фальк... На сегодня я тебя от полетов освобождаю, пусть Литта потрудится, а то ей скучно, а она от скуки бесится.

Думать, собственно, было не о чем. За три дня освоить незнакомый аэроплан – а их еще придется пробовать, прикидывать, какой на что способен, – нереально, особенно ему. Придется вылетать на своем, ну а там уж... пан или пропал.

– Ты что загрустил? – весело спросила Литта, присаживаясь рядом. – Глаза какие-то не такие... не заболел?

– Нет, – ответил он и протянул ей листки. – Ознакомься.

– Изобретательные, гады... – протянула она, прочитав. – Я-то брякнула кому надо, видно, им там вставили по самое не балуйся. Уволить тебя просто так нельзя, но можно дисквалифицировать...

– Именно.

– Со мной такое не выйдет, мне это проделать – раз плюнуть... ну, может, два раза. А твой старичок не вытянет, да и эти летучие табуретки тоже, еще развалятся в воздухе... – Она задумалась. – Знаешь, у меня есть идея!

– Только не говори, что отрежешь косу и отлетаешь за нас обоих, – мрачно ответил он. – Нас не спутаешь.

– Косу не трожь, – серьезно сказала Литта. – Вот что... Полетели.

– Опять на озеро?

– Нет, не совсем, но там поблизости. Давай, вставай. Да куда ты пошел, к моему иди. Сядешь на место стрелка.

– Ты же никогда не берешь кого-то на борт, – удивленно сказал Фальк.

– Ты не «кто-то», – ответила она. – Забирайся, я помогу. И прекрати так дергаться, чего я о тебе не знаю, спрашивается?

Пассажиром Фальк летать не привык и чувствовал себя неудобно, хотя готов был признать: Литта будто родилась в воздухе.

Она уверенно держала курс на долину и снова приземлилась на пологом берегу, только на этот раз ближе к скалам.

– Выбирайся, – велела она, заглушив мотор, и выскочила первой. – Помочь?

– Я сам, – ответил он и выпрыгнул, поморщившись от боли. – Что ты затеяла?

– Есть два варианта, – сказала она, внимательно глядя ему в глаза. – Мы по очереди отлетаем на моем мальчике, скажем, например, что твой ветеран накрылся. Но ты на двухместном если и летал, то пару раз, а у него аэродинамика совсем другая, да и управление чуточку иное.

– А второй вариант?

– Ты возьмешь мой второй аэроплан, – ответила Литта совершенно серьезно. – Он совсем новый, одноместный, мотор очень мощный. Управление почти ничем не отличается от того, что у твоего старичка, он простой, мне его как учебный подарили, так что справишься. Полетаешь немного над долиной, чтобы приспособиться, а потом будет всем сюрприз!

– Да ты девушка с приданым! – невольно фыркнул Фальк.

– Ты даже не представляешь, каким именно, – по-прежнему серьезно ответила она. – Ну что? Может, хоть попробуешь? Он у меня красивый, красный. Нарочно перекрасили, чтобы меня хорошо видно было.

Конец ознакомительного фрагмента.

Текст предоставлен ООО «ЛитРес».

Прочитайте эту книгу целиком, [купив полную легальную версию](#) на ЛитРес.

Безопасно оплатить книгу можно банковской картой Visa, MasterCard, Maestro, со счета мобильного телефона, с платежного терминала, в салоне МТС или Связной, через PayPal, WebMoney, Яндекс.Деньги, QIWI Кошелек, бонусными картами или другим удобным Вам способом.